

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ФРАГМЕНТЫ

В.Г. КУЛЬПИНА,

д. филолог. н., доц.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: vgrkulpina@mail.ru

В.А. ТАТАРИНОВ,

д. филолог. н., доц.

Российское терминологическое общество

E-mail: rossterm@mail.ru

ФИЛОЛОГИЯ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА

ЯПОНИСТИКА — ЛИНГВОДИДАКТИКА — ЛИНГВОПОЭТИКА — КУЛЬТУРА — ОБРАЗОВАНИЕ — ГЕОПОЛИТИКА

Представлен анализ проблемы «филология как интегральная дисциплина гуманитарного цикла». Подробно анализируется второй том продолжающегося издания *Opuscula Iaponica et Slavica*, выпускаемый под редакцией известного польского языковеда, профессора Варшавского университета Я. Вавжиньчика. Особенностью тома является эпистемологическая идея о цементирующей роли филологии в кругу гуманитарных дисциплин. В качестве языка-эталона для филологического комментария избран японский язык. Авторы статей сборника, представив широкий спектр филологических проблем междисциплинарного свойства, вышли на весьма оригинальный сюжет филологической характерологии, а именно: рассмотрели филологию как регулятивную идею в смежных гуманитарных дисциплинах.

Ключевые слова: филология, японистика, лингвопоэтика, лингводидактика, образование, культура, японский язык.

PHILOLOGY AS INTEGRAL DISCIPLINE OF HUMANITARIAN CYCLE

JAPANISTICS — GLOTTODIDACTICS — LINGUOPOETICS — CULTURE — EDUCATION — GEOPOLITICS

V.G. Kulpina is doct. in Philology, doc. at Lomonosov Moscow State University; **V.A. Tatarinov** is doct. in Philology, doc. at Russian Terminological Society

Presented is analysis of the problem of "philology as integral discipline of humanitarian cycle". In detail analyzed is the second volume of continued publication *Opuscula Iaponica et Slavica*, editor of which is famous Polish linguist, professor at Warsaw University Ja. Wawrzyńczyk. Peculiarity of the volume is epistemological idea of connecting role of philology in the cycle of humanitarian disciplines. As standard language for philological commentary chosen is Japanese language. The authors of the article, presented wide spectrum of philological problems of interdisciplinary origin, go all over original theme of philological characterology, i.e. examined philology as regulating idea for closely-related humanitarian disciplines.

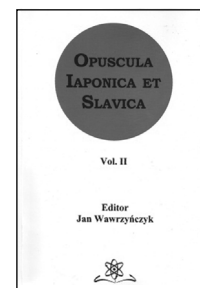
Key words: philology, japanistics, linguopoetics, glottodidactics, education, culture, Japanese language.

Вниманию читателя предлагается обзор продолжающегося издания *Opuscula Iaponica et Slavica*, посвященного проблемам японистики (том второй)¹. Издание предпринято польскими учеными с широким участием российских коллег по научному цеху. Главный редактор серии — известный языковед, профессор Я. Вавжиньчик.

¹ Рец. на кн.: *Opuscula Iaponica et Slavica* / Ed. Jan Wawrzyńczyk. — Warszawa: BEL Studio, 2015. — Vol. II. — 225 s. На первый том опубликована рецензия: Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Японистика в славянском контексте // Вестник Московского университета. — Сер. 22, Теория перевода. — 2015. — № 1. — С. 120–135 [6].

Мифы и реалии языка

Во втором томе *Opuscula Iaponica et Slavica* продолжены намеченные в первом томе сюжетные линии. В частности, наряду с главенствующей филологической проблематикой обсуждаются также вопросы японской системы образования, преподавания иностранных языков, социокультурные проблемы промышленного развития, международных отношений.

В открывающей том статье В.М. Алпатов (Москва) *On Japanese linguistic myths* (К вопросу о японских лингвистических мифах) языковедческий дискурс предвзвешивается экскурсом в историю японского языка и японского этноса. Разнообразие, своеобычность и живучесть японских лингвистических мифов связываются в статье с островной изолированностью японцев (японцам не пришлось оберегать свой язык от колониального влияния) и длительностью письменной традиции японского языка.

Японская нация сложилась уже в первые века н.э.; и вехой стал здесь японский язык, сформировавшийся на австронезийском субстрате при его смешении с ветвью алтайских языков (влияние языка айну² не оказалось значительным и проявилось фактически лишь в географических названиях). Эволюционируя, японский язык хранил свою грамматику и лексический фонд (структурные изменения в наибольшей мере затронули фонетику).

В то же время этот язык нельзя назвать гомогенным, т.к. его диалектная членимость весьма высока. Номинации японского языка интереснейшим образом зафиксировали его название «для своих» — *кокуго* (наш язык) и *нихонго* (японский язык) «вообще» (при этом иностранцы учат *нихонго*, а не *кокуго* (ведь такое название «забронировано» исключительно для тех, для кого японский родной)). Характерно, что старописьменный японский язык *бунго* использовался лишь японцами — в отличие от латинского, старославянского, санскрита и ряда других языков, имевших интернациональный характер.

Японская национальная лингвистическая традиция сформировалась в XVII—XVIII вв. на основе *бунго* и была исключительно японской. В.М. Алпатов упоминает о хождении японизированного текстового варианта китайского языка — *камбун*, имевшего целый ряд отличий по сравнению с письменным китайским языком. В целом языковое влияние на японский других языков оценивается как значительное. В первом тысячелетии н.э. такое влияние оказал китайский язык, особенно в VII—X вв., а в XIX—XXI вв. — английский язык.

В современном японском языке функционируют следующие подсистемы: исконной японской лексики *ваго*, японской лексики китайского происхождения *канго* и подсистема лексических заимствований из западных языков, прежде всего американского английского *гайрайго* / *катаканаго*. «Эти три подсистемы специфичны по своим фонетическим и грамматическим особенностям и проявляют тенденцию к семантической дифференциации» [2. С. 10].

Особенностью японского языка является, в частности, наличие особой азбуки — *катаканы*, предназначенной для фиксации иностранных слов, главным образом берущих свое начало из западных языков. Таким образом, заимствования образуют в японском языке особую подсистему (в других языках такое явление отсутствует).

Один из лингвистических мифов, рассматриваемых в статье, основывался на идее постановки знака равенства между *быть японцем* и *говорить на японском языке*. Следствием хождения этих мифов и произрастающих на их почве идей является отсутствие у японцев стремления к интернационализации японского языка: так, на повестку дня не ставится признание японского в качестве языка ООН.

В.М. Алпатов акцентирует интерес японцев к лингвистическим проблемам, делая вместе с тем оговорку, что этот интерес практически всецело сосредоточен на их родном языке. В статье обрисовывается фон зарождения лингвистических мифов, подчеркивается глубина их проникновения в сознание японцев и даже в научную сферу, которая также вбирает в себя фольклорные мотивы.

Миф об уникальности японского языка развивался С. Такао, выдвигавшего в его пользу следующие аргументы: нет другого такого народа, который, проживая на одной и той же территории в морском окружении, говорил бы полтора тысячелетия все на том же языке. Х. Ясуси, поддерживая идею об уникальности японского языка, делал упор на тот факт, что японский язык стал национальным значительно раньше, чем сформировались национальные языки в Европе.

В.М. Алпатов в связи с высказанными выше мнениями полагает, что, несмотря на необычайную стабильность языковой ситуации и этническую однородность, вряд ли стоит переносить на стародавние времена современные представления о нации и национальном языке. При этом японскую ситуацию можно не рассматривать как абсолютно уникальную, если принять во внимание, к примеру, Исландию. К тому же за последние десятилетия произошли изменения в языковой ситуации в Японии: здесь сейчас имеются весомые иммигрантские сообщества (насчитывающие примерно 2 млн человек).

История страны наложила отпечаток на японское языковое и национальное сознание, которое формировалось в оппозиции к Китаю и Западу. Классическая японская школа *кокугаку* делала упор на японском в противовес китайскому и санскриту. Преимущества японского языка виделись в том, что в нем малое количество звуков. Подчеркивалось, что все языки друг другу родственны и лишь японский стоит особняком. Аргументом в поддержку идеи уникальности служил и порядок слов в японском языке: *субъект > прямой объект > глагол*. В связи с этим В.М. Алпатов замечает, что такой порядок слов среди языков мира получил наибольшее распространение — иным он является в индогерманских языках, взятых С. Такао за основу сравнения.

Миф о сложности японского языка проистекает из сложившегося представления о том, что западный человек не способен им овладеть (такое мнение не высказывается, к примеру, в отношении корейцев). Возможно, этот миф зародился в Японии во времена американской оккупации (или ранее) и бытует по сей день, поддерживаемый тем, что представители американских оккупационных властей не проявляли стремления выучить японский язык.

² Айну, айны — народ, древнейшее население Японских островов. — Примеч. редакции.

Миф о сложности японского языка увязывался в Японии с идеей о его особом богатстве, обилии синонимов, однако этот миф был подвергнут критике (в частности, японским языковедом С. Масаёси). В связи с этим В.М. Алпатов акцентирует внимание на том, что «богатая синонимия есть свойство любого языка с развитой системой функциональных стилей» [2. С. 12], в т.ч. японского. Стилистическая дифференциация находит свое выражение в употреблении лексики разных языковых регистров: *ваго*, относящейся к разговорному или нейтральному функциональному стилю, книжной лексики *канго* и лексики *гайрайго*, связанной с престижем или высокими технологиями. В.М. Алпатов указывает на то, что установить факт особого лексического богатства японского языка могли бы статистические исследования (каковых на сегодняшний день не имеется).

Миф о присущей японцам культуре молчания предполагает склонность к невербальным средствам передачи информации (при определенном недоверии к устной речи). Бытует мнение, что западные люди чрезмерно разговорчивы, язык для них оружие, в то время как японцы считают себя членами одной семьи. Отголоски этого мифа можно обнаружить в пословицах японского народа и в общественной жизни. Его истоки возводятся к понятию идеала по Конфуцию. Упоминания об этом мифе встречаются и в западных источниках.

В.М. Алпатов обращает внимание на то, что явление эллипсиса имеет место в любом языке. В то же время японский эллипсис лингвоспецифичным образом проявляется в японских формах вежливости (*кэйго*), в которых зафиксирована возможность выбора тех из них, при которых опускаются личные местоимения, а также маркеры падежных отношений (на фоне того, что личные окончания не могут опускаться в западных языках, обладающих флексией). «Таким образом, в этом мифе есть и зерно истины, но это зерно рассматривается под увеличением» [Там же]. Истина же скорее в том, что в контактах с людьми вне своей группы японской традицией востребовано молчание (при этом в группе «вне» часто оказываются иностранцы). В то же время в общении между собой японцы отнюдь не прочь поговорить. Суммируя, В.М. Алпатов отмечает, что молчание — скорее идеал, чем стандарт поведения.

В.М. Алпатов упоминает о том, что японская лингвистическая мифология может склоняться к некоторым концепциям западной лингвистики, если эти концепции «шагают в ногу» с японскими языковыми стереотипами. В частности, проявляется интерес к гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа, гласящей, что формирование представлений человека о мире осуществляется с помощью родного языка, отсюда различия между странами могут получить объяснение через языковые различия. При этом, как подчеркивает В.М. Алпатов, авторы таких концепций фактически ограничиваются сравнением Японии только со странами Запада, причем исключительно с англоговорящими. Так, в книге братьев Фукуда как типичном образце таких публикаций выдвигаются следующие тезисы:

- ♦ английский язык настроен на обозначение части целого, а японский — на целостность;
- ♦ английский язык склонен делить целое на изолированные части, японский же избегает четко очерченных границ.

Выделенные лингвистические признаки проецируются в оценку американского и японского обществ, причем американское расценивается как индивидуалистское с присущей ему конкурентной борьбой, а японское как гармоничное и социально ориентированное. Но, как указывает В.М. Алпатов, такие тезисы не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты: примеры реальны, но отсутствуют критерии их отбора.

Таким образом, лингвистические языковые стереотипы служат объяснению неязыковых явлений, а именно: различий между Японией и другими странами, способствуя формированию особой этномифологии и этномифопоэтики. В другой, недавно увидевшей свет статье В.М. Алпатов говорится: «Можно сопоставить мировоззрение с идеологией, выраженной с помощью языка, а мировидение с идеологией, выраженной в языке» [1. С. 15]. С этим нельзя не согласиться.

В то же время в японских лингвистических мифах мы наглядно наблюдаем, как мировидение перетекает в мировоззрение, как миф трансформируется в национальную идею. В.М. Алпатов мягкой, но неоспоримой аргументацией сводит миф к общему знаменателю реальной действительности: мифы получают объяснение путем установления причинно-следственных связей и анализа их истоков, но при этом без всякого ущерба для лингвопоэтичности их мифотворческого нарратива.

Языковая лексика в статистическом анализе

С.Н. Пономарчук и Р.Р. Чайковский (Магадан) в статье «Японский язык: уникальность и открытость (к проблеме китайского влияния)» обращают внимание на научную плодотворность изучения китайского и японского языков. Они фокусируют внимание на проблематике их взаимодействия, специфических путях проникновения китайской лексики в японский язык и функциях этой лексики в японском языке.

Авторы подчеркивают важность островного положения Японии с точки зрения минимизации внешнего воздействия на язык и страну в целом. В качестве важнейшего обстоятельства, предопределившего особенности японского языка, они называют тот факт, что «влияние китайского языка на японский происходило не за счет прямого заимствования японским языком слов китайского языка, как это имеет место при непосредственных контактах носителей двух разных языков, а опосредованно — через письменность» [10. С. 17—18].

С.Н. Пономарчук и Р.Р. Чайковский останавливаются на родственных связях японского языка с другими языками — алтайскими и австронезийскими, подчеркивая наличие соответствий между японским вокализ-

мом и вокализмом других алтайских языков, в т.ч. между корейским и японским языками. Они обращают внимание на то, что система школьного образования в Японии была пронизана разнообразными китайскими элементами: от конфуцианской философии вплоть до китайского фонетического чтения и письменности.

Японская система письма формировалась в III—IV вв. н.э. на основе китайской иероглифической письменности. Авторы подчеркивают, что китайская лексика активно заимствовалась японским языком начиная с VII в., т.е. на протяжении более тысячелетия. В то же время китайский язык повлиял на японский в том плане, что корневые морфемы китайского языка сформировали основу для порождения новых японских слов, выполнив в японском языке ту же роль, что латинские и греческие корни в европейских языках. Две японские слоговые азбуки³ помогли упростить ряд китайских идеограмм. В таких условиях лексический состав японского языка содержит большое количество китайских слов.

Авторы проводят сопоставительный анализ лексики, представленной в учебнике разговорного китайского языка *Elementary Spoken Chinese*, выделив в нем 804 языковые единицы как основы для определения с помощью статистических выкладок количественного состава китайской лексики в японском языке по линии *китайский иероглиф — аналогичный иероглиф, используемый для обозначения японского слова с аналогичной семантикой* (нередко удается установить и фонетико-фонологические соответствия).

Среди такой лексики особо выделяются параметрические прилагательные и наречия (например, с семантикой *малочисленный — многочисленный, высокий — низкий, внизу, вверху, в середине, впереди*) — прилагательные цвета. Глубокие аналогии вплоть до идентичности отмечаются в сфере числительных, в словообразовании (в частности, названий лиц), ряде категорий местоимений (категории числа) яркие совпадения достаточно наглядны. Определенные аналогии прослеживаются и в системе счетных слов японского языка и классификаторов китайского языка: различия связаны с разной дистрибуцией семантического объема, охватываемого этими категориями.

Статистический анализ лексики, представленной в учебнике разговорного китайского языка для начального этапа обучения (по частям речи, грамматическим категориям, группам лексики) показал, что из обследованного количества 804 китайских лексем, составивших базовый материал анализа, 40,7% в иероглифической презентации имеют полные или частичные совпадения с лексикой японского языка.

Анализируя лексический состав учебника японского языка С. Синобу «Японский язык: первые шаги», С.Н. Пономарчук и Р.Р. Чайковский установили, что из общего количества 1355 анализируемых лексем 56,7% имеет полные или частичные совпадения с китайской лексикой.

Перекрестный анализ учебников для начального этапа обучения по каждому из рассматриваемых язы-

ков продемонстрировал, что «примерно 40% лексики китайского языка будет понятна человеку, владеющему японским языком, и *vice versa*, более 50% лексики японского языка будут с легкостью восприняты человеком, владеющим китайским языком» [10. С. 23]. Таким образом, глоттостатистические методы позволяют наглядно представить исторически сложившиеся языковые японо-китайские параллели.

Авторы отмечают, что, сохраняя свою уникальность, японский язык открыт для нового, а за последние десятилетия он подвергся значительному воздействию английского языка. Они подчеркивают в японском языке также то, что с большим трудом поддается исчислениям, т.е. его нежность и поэтичность.

Словари как основа обмена информацией

В пространной статье М. Ивановского (Варшава) внимание уделено истории двуязычных (переводных) словарей начиная с глубокой древности.

Так, в Сирии среди древних развалин на территории современной деревни Tell Mardikh был обнаружен написанный на глиняных табличках клинописью шумерско-аккадский двуязычный словарь, относящийся к 2350 г. до н.э. Словари такого типа, указывает М. Ивановски, обычно состояли из 24 табличек, на которых размещалось до 50-ти переводных пар, подобранных по тематическому принципу (с названиями транспортных средств, кораблей, растений, животных, небесных тел и др.).

Двуязычные словари всегда были основой обмена информацией между центрами цивилизации. Восприятие высокой иноязычной культуры всегда способствовало созданию двуязычных словарей с разветвленными словарными статьями. В истории польской двуязычной лексикографии, к примеру, первые такие словари были латинско-польскими.

М. Ивановски обращает внимание на то, что при первых контактах цивилизаций сначала создаются словари для перевода с иностранного языка на родной (по объему они всегда гораздо больше используемых для перевода с родного языка на иностранный). Исследователь подчеркивает, что процесс перевода заключается в сопоставлении текстов, в каждом из которых содержится «характеристика сопоставляемой ситуации в одном и в другом языке, зависящая не только от текста, но и от особенностей языка, специфических черт духовной, материальной культуры носителей языка» [3. С. 46].

Так, в переводном тексте о средневековой Японии высвечиваются и объясняются реалии, но совсем иначе выглядит переводной текст инструкции по употреблению чего-либо, стремящийся максимально приблизиться к пользователю через реалии своей страны. М. Ивановски указывает: «На практике чем больше отличаются друг от друга языки в плане культуры, тем больше количество понятий, не имеющих достаточно

³ Речь идет о *катакане* и *хирагане* — двух видах графических форм японской слоговой азбуки (каждый символ означает не звук, а слог) *каны*. — Примеч. редакции.

точного соответствия в другом языке. Эти особенности проецируются и в ситуации, которые мы себе представляем на основе параллельных билингвальных текстов» [3. С. 47].

Основное внимание в статье уделено составлению обратных двуязычных словарей, в частности «Японско-польскому обратному словарю» [4], представляющему собой пухлый том повышенного формата, который М. Ивановски намерен еще более расширить. Предназначение обратных словарей достаточно широко: они могут служить поэтам для нахождения рифм, исследователю — для анализа строения разного рода названий, словообразовательной структуры слова, выделения классов с аналогичной семантикой или грамматической функцией. Обратные словари относятся к типу специализированных словарей.

Описание своего японско-польского словаря М. Ивановски дает на фоне истории японского языка, причин его территориальной дифференциации и особенностей взаимодействия с китайским языком. Процесс прочтения китайского текста фактически превращался в его перевод: «С начала японской государственности в зависимости от политической ситуации на континенте каждые несколько поколений менялось направление контактов, и таким образом, японцы воспринимали разные прочтения китайских слов или китайских знаков. Эти прочтения адаптировались к японской фонологической системе» [3. С. 36].

При этом «переплетение двух языков со столь разнящейся грамматической структурой было длительным процессом и заняло около тринадцати веков», а «старательное собирание разных китайских знаков и слов, усвоение китайских значений, придание китайским знакам японского способа прочтения привело к частым случаям омофонии, омографии и омонимии, синонимии и графической и фонетической вариантности как на уровне морфем, так и слов» [Там же]. Эти особенности японского языка, в котором одно и то же слово одного и того же звучания может иметь более десяти совершенно разных значений, значительные отличия устной речи от письменного языка, представляют собой большую трудность для создателей словарей японского языка. Они-то и стали серьезным барьером и при создании М. Ивановским обратного японско-польского словаря, фрагменты которого приведены в его статье.

Образ страны в языковом измерении

В статье А.Н. Мещерякова (Москва) основное внимание уделено формированию социального мифа, но здесь таковой ориентирован на природную, а не на языковую среду. А.Н. Мещеряков останавливается на отношении японцев к родной природе и связанной с природой символике. Благодаря тому, что Япония небогата природными ресурсами, она избежала участи колонизации иностранными державами⁴.

⁴ Описывается история познания Японии российскими исследователями и путешественниками, вклад в ее познание ботаников: К.И. Максимовича (1827–1891), коллекционера, описывавшего японскую флору и рассылавшего ее образцы в европейские научные центры, и

После открытия Японии миру оказалось, что природа здесь не такая, как у других народов, а ее особая красота — живописность, многообразие растительного мира, красок, величественность — есть неподражаемая ценность японской нации. Благодаря протяженности по меридиану Япония пребывает в большом разнообразии климатических зон. На международных выставках японцы издавна экспонировали предметы своего изящного искусства и образцы природно-растительного мира. Особенно сильное впечатление производили японские хризантемы — высокие и с тысячей цветков на одном стебле.

Внимание к японской хризантеме (отмеченной главным призом на парижской выставке 1900 г.) было особенно значимо, т.к. хризантема является гербом императорского дома и символом долголетия (у японцев это «мужской» цветок, «символ бессмертных даосов-мужчин») [8. С. 92]. Императорский дом с 1880 г. устраивал ежегодные выставки хризантем, а с 1881 г. еще и выставки сакур. В Европе символическая составляющая образа хризантемы была утрачена, здесь это просто красивый цветок. В то же время образ Японии слился с этим цветком, запечатлевшись в глазах европейцев как образ страны хризантем.

Гора Фудзи, другие вулканического происхождения горы правильной конусовидной формы, лес весной, полный цветущих деревьев, вызывали у иностранцев эстетическое чувство. Однако эстетическое восприятие ими японской природы не сопровождалось знанием культурного фона, как отмечает А.Н. Мещеряков. Тем не менее, открытие японской природы, сделанное иностранцами, было с радостью воспринято японцами как возвеличивающий Японию факт, повышающий их самооценку, и получило в Японии дальнейшее развитие.

На страницах статьи А.Н. Мещерякова перекликаются описания японской природы и связанной с ней символики, прежде всего таких известных и читаемых авторов, как С. Сигэтака (1863–1927), выпустившего в 1894 г. книгу «Японский ландшафт» (Нихон фукэй рон), впоследствии многократно переизданную, и У. Кандзо (1861–1930), публициста, постоянного автора журнала «Нихондзин».

С. Сигэтака, идеи которого «несут на себе отпечаток как японского (литературно-художественного), так и западного (научно-позитивистского) наследия» [8. С. 95], подчеркивает динамизм японской природы, заряжающей энергией, а также развитость у японцев эстетического чувства. По его мнению, с одной стороны, в японской природе велика разрушающая сила — вулканы, но с другой стороны, они же есть главный элемент эстетики японского пейзажа (нигде в мире нет такого количества вулканов, действующих и потухших) и силы японского национального характера.

Горы, прежде всего вулканические, С. Сигэтака воспевают как неотъемлемую часть культуры японского народа, как природный дар, а не как наказание. Он призывает развивать горный туризм и любоваться открывающимися с высоты видами⁵. Гора Фудзи с ее

А.Н. Краснова (1862–1914), основателя Батумского ботанического сада, много сделавшего для «разведения на Кавказе дальневосточных культур, прежде всего чая и хурмы» [8. С. 93].

⁵ Впоследствии, как отмечает А.Н. Мещеряков, горный туризм действительно получил в Японии большой размах.

снежной вершиной предстает в рассуждениях С. Сигэтака как непревзойденный образец и символ Японии, а горы, напоминающие по форме Фудзи, он предлагает называть «малыми Фудзи».

А.Н. Мещеряков обращает внимание на то, что у С. Сигэтака описание морской природной среды, в которую погружена Япония, не столь красочны и не столь широко декорированы цитатами из произведений японских авторов, как описание суши. Он относит это на счет того, что к тому времени сам язык для описания моря еще не был выработан. Хотя Япония состоит из многих островов, С. Сигэтака предпочитает именовать Японию материковым островом (*тайрику сима*), подчеркивая, что когда-то Япония была частью материка, впоследствии отделившейся, и называя ее не островной страной, а островной империей (*сима тэйкоку*). Эти дефиниции отразили тот факт, что «в глубине души японцы того времени горели поэтическим желанием избавиться от своей островной сущности» [8. С. 108].

А.Н. Мещеряков отмечает, что в эпоху Токугава в Японии еще не было создано целостное географическое описание ее территории. С. Сигэтака охватывает взглядом всю Японию, ее крупные географические объекты, равнины, покрытые сосновыми рощами, и горы. Их описания высоко поэтичны и воодушевляющи. Сосне как исключительно жизнестойкому дереву уделяется особое внимание (в противовес так любимой японцами нежной сакуре): по количеству ее видов, согласно Сигэтака, у Японии мировое первенство, что в свою очередь влияет на формирование у ее граждан жизнеутверждающего и сильного характера [8. С. 99]: «превращение сосны в символ японского характера придаст людям сил» [8. С. 108].

О фауне пишется мало, упоминается лишь о разнообразии птиц, насекомых и бабочек (внимание сосредоточено здесь на малых формах японской фауны, традиционно приоритетных в японской культуре). С. Сигэтака, подчеркивая уникальность Японии, извлекает из истории свидетельства того, что в Китае, Корее и на Западе отсутствует сакура и возвещающая весну птичка игуису (камышевка, называемая обычно в переводе на европейские языки соловьем).

А.Н. Мещеряков напоминает о концепте дальневосточной натурфилософии: *ци* — японское *ки* — «энергия, пульсация которой обеспечивает все природные процессы» [8. С. 100], и рассказывает о его развитии на японской почве.

Концепт *Ки*-энергии, будучи осмыслен с точки зрения современной науки, преобразовался в концепт *влажности*. И хотя японцы всегда сильно страдали от избытка влаги и ее экстремальных проявлений в виде ливней и тайфунов, в то же время в период Эдо для художественных произведений было характерно воспевание туманов, дымки и моросей.

Частью поэтической картины мира С. Сигэтака являются «пятцветные» облака, появляющиеся при рассветном и закатном солнечном свете: нигде в мире таких облаков не бывает. Они приобретают ассоциативный фон и ранг «чудесных» облаков, которые в китайской и затем японской натурфилософии выступали

как благоприятное знамение. Сигэтака подчеркивает, что собирающиеся над Японией облака всегда центростремительны.

При этом «тезис о «срединности» японского климата как доказательства «избранности» страны был общим местом в рассуждениях мыслителей эпохи Токугава» [8. С. 102]. В целом вся книга С. Сигэтака обладает мощным эстетическим измерением. Он воспекает особое цветовидение у японцев, их способность различать значительно больше цветов и оттенков, чем иностранцы. Колористика и ее проекции в мир ценностей в целом занимают немалое место в эстетической картине Японии⁶.

С. Сигэтака своей задачей считал воодушевлять японцев, поддерживать их в чувстве национальной гордости. Для него «характерно совмещение научного и поэтического подходов» [8. С. 108], что обеспечивало книге особую убедительность и привлекательность для сограждан. Это поэтическое мировидение тем не менее проявляло определенную тенденциозность, что отмечается А.Н. Мещеряковым: «Взгляд Сига обладал свойством избирательности, он видел только то, что хотел видеть его соотечественники» [8. С. 103].

Книга Сигэтака стала противовесом вестернизации Японии, поддержкой в поисках истоков японской культуры, сохранении японской национальной идентичности. Но могла служить и побуждением к экспансионизму. Публицист Н. Инадзо, писавший об особенностях островного характера японцев (*симагуни кондзё*) в работе 1904 г., относил его особенности не к географии, а к истории, политике изоляционизма, проводившейся сёгуном Токугава» [8. С. 111]. Однако вывод был озвучен С. Сигэтака в плане одобрения активного экспансионизма тогдашней Японии.

Поэтико-географический нарратив характерен для сочинений У. Кандзо, который красоту Японии видел через «картографическую призму» как помещенную на географическую карту или буддийскую мандалу. Он оживляет древнее сравнение Японии со стрекозой (*акидзу*), называя страну стрекоза-островом, ведь в очертаниях Японии он находит «соответствия ее частям в стрекозином теле, выгнумом в направлении Тихого океана» [8. С. 93].

В облике Японии У. Кандзо видит очертания Небесной девы (*тэндзё / тэннё*) — «сверхъестественного существа буддийско-даосского пантеона» [Там же]. Пафос произведений У. Кандзо заключается в том, что «в Японии всё есть» — в Европе и в США нет ничего такого, чего не было бы в Японии. Так, Япония представлялась ему азиатской Грецией. При том, что «Греция — это «малая Европа», следовательно, и Японию тоже можно считать «малой Европой» [8. С. 96]. Внутреннее Японское море вызывает у него ассоциации со Средиземным морем, остров Садо предстает как Скандинавский полуостров, а Исландия соотносится с островом Такэсима.

⁶ Ей отдал дань и К. Усуи (1873—1948), известный японский литератор и альпинист, писавший, что белый цвет снежной шапки Фудзи «вбирает в себя весь возможный световой спектр. Фудзи является носителем всех возможных сверхценностей — справедливости, святости, чистоты, незапятнанности, совершенства» [8. С. 109].

Таким образом, европейским странам и морям У. Кандзо находит японские ассоциативно-символические соответствия, проецируя их на территорию Японии, устанавливая между ними семиотические параллели. Получается, что части японского ландшафта в его «картографической картине мира» символизируют страны Европы. «Люди, подобные Утимура, желали, чтобы Япония скорректировала свою исконную идентичность, добавив в нее западную составляющую путем нахождения соответствий в географии Европы и Японии» [8. С. 97].

У Кандзо Европа и Япония даны во взаимосвязях, Сигэтака же акцентирует уникальность Японии. Японская природа предстает у последнего как национальная идея, и эта идея вызвала больший отклик, чем построения У. Кандзо.

Проблемы обучения иностранным языкам

Статья К. Мончин (Познань) представляет собой обширный трактат по проблемам обучения иностранным языкам в Японии, представленный на фоне языковой ситуации в этой стране. К. Мончин указывает, что большинство японцев глобализацию и интернационализацию связывают с английским языком, который имеет статус первого иностранного языка и обязателен для изучения в гимназиях и лицеях.

Благодаря высокому международному статусу английского язык порой считается единственно значимым иностранным языком, а страны, говорящие на других языках, подчеркивает К. Мончин, начинают занимать подчиненное положение в отношении англоязычных стран, ощущая свою меньшую значимость. Усвоение иностранного языка рассматривается исследователем как эмпирическая деятельность, не зависящая от степени ее осознания человеком и в то же время как такая сфера интеллектуальной деятельности, которая есть неделимая часть культуры.

К. Мончин полагает, что западная модель значительно повлияла на обучение в Японии иностранным языкам, которые в качестве обязательного предмета появились здесь в 1872 г. Это были английский, немецкий, французский, русский, китайский, корейский языки, а также латынь, преподавание велось в основном в гимназиях и лицеях. В других типах школ иностранный язык давался как необязательный, как предмет по выбору.

Движение «Цивилизация и Просвещение» (*Бунмэй Кайка*) завоевало популярность одновременно с Реставрацией Мэйдзи. Это движение стремилось к внедрению западной технологической мысли, стиля жизни и образования, в связи с чем открывались школы, ориентированные на западные образцы обучения. В 1858 г. Ф. Юкити открыл в Эдо частную школу по изучению голландского языка, которая со временем преобразовалась в школу английского языка. Преподавание иностранных языков разрасталось и постепенно распространилось на музыкальные школы и школы искусств, школы для девушек по воспитанию скромных дам.

Целью, среди прочего, было расширение «понимания каждодневной жизни и образа мышления иностранцев».

В раннюю эпоху Мэйдзи обучение английскому языку способствовало модернизации страны и внедрению западной цивилизации. В отношении изучения языков в целом настрой был положительным. Характерно, что учебники были из Америки, а грамматика подавалась в американском варианте английского⁷.

В 1871 г. в Японии было основано первое Министерство образования, которое занялось организацией учебы студентов за рубежом. Первая такая группа студентов выехала в Америку в 1871 г., а по возвращении учащиеся сами стали обучать японцев английскому языку. Комитет по вопросам реформы образования (*Риндзи Кёуику сингикай*) популяризировал изучение иностранных языков, особенно английского, «чтобы японцы могли представить в мире свою точку зрения, не теряя в то же время своей самоидентичности» [9. С. 125].

В эпоху Тайсё стало появляться все больше учебников английского языка, написанных японцами и нацеленных в первую очередь на обучение чтению и переводу, что было связано с подготовкой к экзаменам в учебные заведения. Этим занимались, в частности, специальные школы — так называемые *Юку*. В учебниках содержались демократические идеи: их содержание было связано с культурой Англии и Америки, но отражались и универсальные темы — театр, спорт и др., а также авиация и фотография.

В 1922 г. Н. Энтаро, С. Масатаро, С. Ясабура и Х. Минори основали Общество международного образования, которое принимало активное участие в проходившей в 1923 г. в Сан-Франциско международной конференции по вопросам образования.

В довоенный период в Японии идеи международного образования рассматривались как непротиворечащие ее национальным интересам. В конце периода Тайсё и в начале периода Сёва интерес к английскому языку усилился, появилось много учебников живого языка, языковой коммуникации.

Важной вехой стало приглашение в Японию в 1922 г. Х.И. Палмера на должность советника по вопросам обучения английскому языку. В 1923 г. им был основан Институт исследований по обучению английскому языку (IRFT).

Однако не всё в этом плане шло гладко: в обществе распространялась идея отказаться от обучения английскому языку в школе. Сложилось мнение, что английский язык не помогает, а мешает изучению других предметов, в результате чего английский язык утратил свой высокий статус. Учебники английского языка были монополизированы Х. Палмером, их содержание подвергалось критике.

В то же время внедрение в учебный процесс разговорного языка оказало влияние на последующее обучение. Во время Второй мировой войны изучение английского языка продолжалось в военных учебных заведениях, но почти полностью исчезло из государственных школ. «Целью изучения иностранного языка было понимание чужой культуры ради осознания своей самоидентичности» [9. С. 126].

⁷ В этих учебниках в качестве передовых стран указывались Америка, Англия, Франция и Германия, тогда как сама Япония, а также Китай фигурировали среди не вполне цивилизованных стран.

После Второй мировой войны Япония направила силы на экономический успех и поиск нового места в мире. Начавшаяся реформа образования была направлена на пересмотр всей системы. Ее элементами были:

- ◆ интернационализация;
- ◆ развитие торговых отношений с США;
- ◆ адаптация японцев к жизни в международном сообществе путем студенческого обмена.

В то же время больше внимания планировалось уделять обучению японскому языку как иностранному, а также обучению японских детей, находящихся за рубежом (также и по их возвращении на родину). После войны английский язык вернулся в старшие классы школы.

В учебниках уже учитывалась такая функциональная разновидность, как разговорный язык. Интерес к изучению английского языка усиливался благодаря радиопередачам с разговорной речью. Число учебных центров преподавания английского языка росло, но не хватало квалифицированных учителей. Рос интерес к новым методам обучения — аудиолингвальному и коммуникативному. Языковая коммуникация стала учебной дисциплиной, появились иностранные лекторы в роли ассистентов при учителях английского языка. В настоящее время цикл обучения английскому языку в школе составляет в среднем 8—9 лет.

В разделе статьи «Нихондзинрон, Кокусайка и иностранные языки» К. Мончин разъясняет суть вышеназванных японских понятий. Понятие *нихондзинрон* (буквально *теория японскости: *нихондзин* означает японец, а *рон* — теория) стало популярным в Японии 1960—1970-х гг. в период бурного экономического роста. В этом термине акцентируется уникальность, исключительность японцев по сравнению с Западом⁸. Термин *нихондзинрон* появился как защитная реакция на вестернизацию и индустриализацию после Второй мировой войны и как результат опасений перед утратой самоидентичности. *Нихондзинрон* можно трактовать как своего рода механизм торможения в изучении иностранных языков.

Понятие *нихондзинрон* является постоянным средоточием дискуссий в СМИ и книгах, осциллирующих вокруг самобытности японской культуры. Путем опросов выявляется отношение к нему японцев. В 1980-е гг. для японских ученых, политиков и журналистов исключительно важным стал термин *кокусайка* (*кокусай* значит международный, интернациональный, а суффикс *-ка* означает действие или изменение), служивший, в частности, продвижению изучения иностранных языков. Появившись в 1920 г., он распространился к 1960-м гг. Будучи ориентирован на контакты Японии с зарубежными партнерами, этот термин и связанное с ним понятие стал одним из столпов современной системы образования, хотя идея интернационализации вызвала у японцев опасения ущерба интересам Японии⁹.

⁸ У этого термина имеются терминологические аналоги: *нихонбункарон* (теория японской культуры), *нихон сякайрон* (теория японского общества) и *нихонрон* (теория японскости).

⁹ В настоящее время в японском языке чаще в ходу понятие глобализации — *гуробаридзэсэ* / *гуробарука* и мультикультурного сосуще-

Программы языкового образования

В разделе «Программа JET» К. Мончин рассказывает о программе «The Japan Exchange and Teaching Programme», действующей с 1987 г. и ориентированной на достижение взаимопонимания между японцами и гражданами других стран. Суть программы состоит в обучении японских школьников иностранным языкам и физической культуре выпускниками вузов из Америки, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии, Канады, Франции и Германии.

JET быстро набирает обороты, превратившись в крупнейшую программу культурного обмена. Приглашенные специалисты по физвоспитанию являются профессиональными спортсменами и организаторами спортивных встреч. Специалисты-ассистенты (ALT — Assistant Language Teacher) помогают учителям в занятиях по английскому (JTE) или другому иностранному языку (JTL).

В Японии такие занятия приобрели широкий общественный резонанс: обсуждаются разные проблемные комплексы, например, отношение школьников к занятиям с выпускниками зарубежных вузов, отношения на линии *зарубежный ассистент — местный учитель*, в прессе публикуются комментарии по поводу функционирования программы. В пользу программы говорит развитие навыков коммуникации на месте, что дешевле, чем отправлять школьников на обучение за рубеж. Особый раздел посвящен CLT — коммуникативному методу обучения языку на основе языковой практики.

Несмотря на зеленый свет для коммуникативных методов, традиционный метод *якудоку* с упором на обучение грамматике применяется по-прежнему, что связано с программой вступительных экзаменов. Реформа Министерства образования предполагает распределение учебных часов на занятия по грамматике и выработке коммуникативных компетенций на симулятивно-ситуативной основе. Однако программа вступительных экзаменов в учебные заведения выступает как барьер для развития навыков коммуникации, а администрацией школ именно она ставится во главу угла. Подчеркивается разрыв между целями и методами, а также их пониманием учителями, воспитанными на методе *якудоку* (не предполагающем проведения коммуникативно ориентированных занятий). Популярна тестовая система, потому что хорошие результаты тестов помогают попасть в престижный вуз или найти хорошую работу. Повышение квалификации учителей осуществляется через стажировки за рубежом (полугодовые или годовые) или краткосрочные курсы на местах.

О современном японском обществе К. Мончин говорит как о многоязычном, имея в виду проживание в Японии большого числа иностранцев. Освещая вопрос преподавания китайского и корейского языков, она подчеркивает, что понятия интернационализации и глобализации японцы относят фактически только

ствования — *табунка кёсэй*. *Нихондзинрон* и *кокусайка* — это понятия-лозунги, касающиеся исключительно Запада и никак не связанные с азиатскими странами.

к англоязычным странам. Вместе с тем большинство из более двух миллионов иностранцев, проживающих в Японии (выходцы из стран Азии — Китая, Кореи и Филиппин — 1,5 млн) и Южной Америки (250 тыс.). Считается, что в Японии наиболее популярны европейские языки, но отмечается и возрастающий интерес к языкам Азии. Китайский язык является вторым, а корейский — третьим по популярности после английского.

Обучение китайскому языку ведется с эпохи Эдо (1603—1868). В основном он преподается на факультетах иностранных языков и международных отношений, а также в спецгруппах. Статистика такова: из приезжающих в Японию туристов 40% составляют приезжие из синоязычных стран, 60% всех зарубежных студентов в Японии — китайцы, из около 600 тыс. работающих в Японии иностранцев китайцы составляют 44,2%. Возможность каждодневного контакта с китайским языком по месту работы повышает мотивацию к его изучению. Объективные трудности обучения проистекают из региональной дифференциации китайского языка, расхождений между устным и письменным языком. Констатируется отсутствие единой идеи преподавания китайского языка.

Обучение корейскому языку «отражает картину того, как выглядят японо-корейские отношения» [9. С. 138]: развитие отношений с Кореей повысило интерес к изучению корейского языка. Термин *канрю* / *халлю* (впервые появившийся в китайской прессе) буквально означает *корейская волна* и подразумевает моду в странах Азии на корейскую поп-культуру — телесериалы, кинофильмы, игры, анимацию и музыку. Потеплению способствовал и ряд спортивных мероприятий, проводившихся в Корею и Японию. *Канрю* способствует популяризации корейского языка как иностранного, т.к. молодежь желает общаться со своими идолами на родном для них языке. Телевидение NHK ведет передачи по изучению корейского языка — *кангуру коза*.

С недавнего времени корейский язык стал вторым по популярности из вторых иностранных языков, а учебники корейского языка занимают по продажам второе место после английского. Изучение корейского языка поддерживалось в основном существованием в университетах корейской филологии, и лишь с недавнего времени корейский язык стал преподаваться в гимназиях, школах полиции, пожарных и морской безопасности. После 1990 г. количество школ с возможностью изучения корейского языка возросло вдвое.

В обучении корейскому языку преобладает так называемый метод *learner centered instruction*, когда учащийся сам влияет на стиль обучения, его содержание, материалы и темпы. Корейские телепрограммы создают условия для применения мультимедийных материалов. Разработаны интенсивные курсы: *танки сюто коудза*, часто организуемые во время каникул. Обучение корейскому языку имеет разные названия: *тёсэнго*, *канкокуго*, *тёсэн ханто*. Все организации, общества, занимающиеся исследованием корейского языка, имеют в названии элемент *тёсэн*, например, *тёсэнго канкюкай*, *тёсэн гаккай*. Однако сторонники названия *канкокуго* утверждают, что элемент *тёсэн* содержит в своей семантике некий нюанс, который может быть воспринят как дискриминация. Из-за разнобоя в названиях используются альтернативные названия: *хангуруго* (от названия корейского алфавита *хангул*) или *кориаго* (от англ. Korea).

Изучение немецкого и французского языков рассматривалось в свое время как важный инструмент обмена информацией. Немецкий язык является одним из доступных языков в Японии. В тот период, когда Япония открывала свои границы, немецкий язык рассматривался как язык страны, превосходящей Японию в таких областях, как медицина, военное дело и технологии, в связи с чем, к примеру, в медицине осталось немало терминов немецкого происхождения.

Методы преподавания европейских языков всегда увязывались с целями обучения. Важнейшим умением считалось чтение ради понимания и перевода книг, поэтому в ходу был грамматико-переводный метод, актуальный и по сей день. Однако в XXI в. изменились как японское общество, так и система образования.

Прекратились интенсивные исследования над немецкой технологией и юриспруденцией, поэтому грамматико-трансляционные методы стали утрачивать актуальность, а в эпоху туризма стали востребованы методы практического освоения языка. В цене сейчас метод обучения языку через его контент (*content based language learning*). Немецкий язык имеет статус языка науки, политики и экономики. Однако многие учащиеся выбирают его потому, что им нравится образ Германии периода романтизма и немецкие сказки.

Изучение немецкого языка в Японии связано с целым рядом проблем. Немецкоязычные страны крайне далеки от Японии в географическом, культурном и политическом отношении, при приеме на работу знание немецкого языка не требуется, а значит, нет и конкретной мотивации к его изучению.

Что касается изучения французского языка, то, по мнению учащихся, за два года его все равно невозможно выучить (учитывая шестилетний опыт изучения английского языка, на котором в итоге они не могут ни говорить, ни удовлетворительно писать). Студентам хочется, чтобы в программе по французскому языку было больше коммуникации, культуры, туризма, мультимедийных средств обучения. В связи с активизацией контактов между Японией и Францией уже недостаточно только читать и понимать, нужно уметь высказывать свое мнение как устно, так и письменно.

Обучение в Японии испанскому языку ведется с конца XIX в. К. Мончин отмечает низкое на данный момент качество учебных материалов, недостаточность информации из области культуры, истории и быта испаноязычных стран. В целом К. Мончин отмечает уменьшение интереса к изучению таких языков, как немецкий и французский, которые в университетах имеют сейчас статус языков по выбору или вообще исчезают. С другой стороны, формируется большая вариативность выбора: например, добавляется возможность изучения испанского и русского языков.

Интернационализация и национальная идентичность

Хотя тема интернационализации в Японии актуальна, ощутима и проявления заботы о собственной национальной идентичности. Но «изучение европейских

языков ассоциируется с расширением горизонтов, с ознакомлением с западным интеллектуализмом» [9. С. 150]. Японские учащиеся проявляют большую экзаменационную активность, т.к. сертификат о знании языка важен при поисках работы: обладающие им сотрудники могут привнести в имидж фирмы штрих интернациональности.

В статье А. Яворек (Познань) указывается, что биоэтика как научная дисциплина занимается «исключительно противоречивыми областями этики, вытекающими из технологического прогресса медицины и биологии» [5. С. 157]. Задача этой дисциплины — «отвечать на этические вопросы из области естественных наук, биотехнологии, медицины, политики, права и философии» [Там же]. А. Яворска полагает, что особое отношение японцев к смерти, их государственный коллективизм заслуживают внимания биоэтики. В плоскости этических проблем, проистекающих из исповедуемой человеком религии, Япония также занимает особое место: иногда человек здесь исповедует одновременно не одну религию: «Так, например, исповедуя буддизм, они также исполняют синтоистские обряды» [5. С. 162].

Я. Северски (Варшава) обращается к понятию общинности (общины) и объединения (ассоциации), рассматривая их как ключевые типы межчеловеческих связей, пребывающие в оппозиции друг другу. Он указывает на примат общества над личностью в общине (семья, цех, гильдия, братство, монастырь) и примат личности над целым в объединении / ассоциации (политическая партия, профсоюз, современное предприятие).

Через призму этих двух типов сообществ он анализирует промышленные системы Японии на фоне других восточноазиатских экономик и в противопоставлении таковым на Западе. Я. Северски указывает, что в ареалах распространения конфуцианской культуры не было религии, которую можно было бы сравнить с христианством, иудаизмом и исламом, и не было базы для формирования религиозных сообществ, противостоящих общинам, строящимся на родственных связях. На фоне традиционного китайского мироустройства Я. Северски выделяет характерные черты японского общественного порядка, среди которых:

- ◆ специфика японских семейных отношений, предопределяемых в большой мере структурой трудовых коллективов, не обязательно родственными узами;
- ◆ приоритет коллективной жизни перед семейной, личного перед общественным;
- ◆ дух сотрудничества, кооперации усилий, сформировавшийся на почве традиционной культуры возделывания риса и перенесенный на отношения сотрудника с его фирмой (*кайся*);
- ◆ сохранение феодальных ценностей, таких, как верность, лояльность, честь, верность *вассала сюзерену* (схожих с присущими когда-то Западу);
- ◆ сила вертикальной связи, объединяющей господина (*даймио*) и вассала (*самурая*), и духа ко-

декса самурая *бусидо*, требующего самоотвержения во благо господина и общих интересов;

- ◆ установление института верховной власти в виде *сёгуната*;
- ◆ сохранение харизмы императорского рода; правление одной династии более 2,5 тыс. лет;
- ◆ установление синтоизма как государственной религии (в период секуляризации на Западе);
- ◆ сильные вертикальные взаимозависимости (верность самурая своему господину, подобно тому как сейчас сотрудника работодателю);
- ◆ принцип наслаивания новых элементов на старые без отмены старых (на Западе же старое заменяется новым);
- ◆ учет трудового стажа в системе заработной платы и пожизненная занятость как награда за лояльность и сплоченность в коллективе: «принимают на работу не сотрудника, а человека с его личностью, а не только квалификацией» [11. С. 182].

Я. Северски подчеркивает, что «доля современных образцов жизни в современном обществе вопрос открытый в том смысле, что разные традиции могут совмещаться с современностью, более того, будучи внедрены в современные институты, могут их ускорять» [11. С. 189]. Современная технология не уничтожила традиционных культурных образцов и общины в странах Восточной Азии. Он обращает внимание на то, что в восточноазиатских экономиках действует принцип примата национальной экономики над интересами владельцев фирм. Этот принцип поддерживается конфуцианской философией примата целого над частью во имя достижения гармонии, что позволяет осуществлять долгосрочную стратегию расширения своей доли на рынке.

Я. Северски подчеркивает, что конфуцианская культура способна ответить на вызовы современной экономики. С перспективы Запада развитие обеспечивается освобождением личности от зависимости от общины. Конфуцианство же зиждется как раз на положениях, противоречащих европейскому духу. Конфуцианской традиции чужда «западная подозрительность в отношении любого правительства. Попытка контроля правительства гражданами воспринимается как угроза авторитету власти» [11. С. 196].

Наконец, в статье Я. Макарова (Москва — Токио) «Переосмысливая предпосылки: может ли сотрудничество в энергетическом секторе служить основанием для заключения мирного договора между Россией и Японией» [7] описываются возможности конструктивного партнерства, сотрудничества и кооперации России и Японии в энергетической сфере. Представлен здесь же и анализ энергетической стратегии Японии в новейшей истории и в данный промежуток времени.

Заключение

Авторы рецензируемого сборника, представив широкий спектр филологических проблем междисципли-

нарного свойства, вышли на весьма оригинальный сюжет филологической характерологии, а именно: рассмотрели филологию как регулятивную идею в смежных гуманитарных дисциплинах. Более того, на примере «мифологического» японского языка авторам сборника удалось продемонстрировать, как в условиях глобальных изменений и взаимовлияний в мире развитый язык сохраняет свою исконную статью, оставаясь

в конечном итоге несгибаемым Ding an Sich (вещь в себе).

Суггестивные выводы авторов сборника вполне можно экстраполировать и на другие современные развитые языки. При этом предполагая, что языковое взаимодействие приводит исключительно к филологическому обогащению социумов во многих сферах интеллектуальной жизни общества.

Литература

1. Алпатов В.М. Что такое картины мира и как до них добраться // Язык. Константы. Переменные. — СПб., 2014. — С. 11–21.
2. Alpatov V. On Japanese linguistic myths // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 7–14.
3. Iwanowski M. Ku atergologii japońsko-polskiej // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 27–85.
4. Iwanowski M. Atergownik japońsko-polski. — Warszawa, 2014.
5. Jaworek A. Bioetyka w japońskich doktrynach religijnych // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 155–163.
6. Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Японистика в славянском контексте // Вестник Московского университета. — Сер. 22. Теория перевода. — 2015. — № 1. — С. 120–135.
7. Makarov Y. Rethinking the prerequisites: can the cooperation in the energy sector serve as a foundation for the peace treaty between Russia and Japan? // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 203–225.
8. Мещеряков А.Н. Японская природа в публицистическом дискурсе конца XIX — начала XX вв. // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — С. 87–111.
9. Monczyn K. Edukacja języków obcych w Japonii // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 113–153.
10. Пономарчук С.Н., Чайковский Р.Р. Японский язык: уникальность и открытость (к проблеме китайского влияния) // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — С. 15–26.
11. Siewierski J. Wspólnota w japońskim systemie przemysłowym // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 165–202.

References

1. Alpatov, V.M. Chto takoe kartiny mira i kak do nih dobratsa? // *Yazyk. Konstany. Peremennye*. — SPb., 2014. — P. 11–21.
2. Alpatov, V. On Japanese linguistic myths // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 7–14.
3. Iwanowski, M. Ku atergologii japońsko-polskiej // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 27–85.
4. Iwanowski, M. Atergownik japońsko-polski. — Warszawa, 2014.
5. Jaworek, A. Bioetyka w japońskich doktrynach religijnych // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 155–163.
6. Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A. Yaponistika v slavyanskom kontekste // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. — Ser. 22, Teoria perevoda. — 2015. — No. 1. — P. 120–135.
7. Makarov, Y. Rethinking the prerequisites: can the cooperation in the energy sector serve as a foundation for the peace treaty between Russia and Japan? // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 203–225.
8. Meschcheryakov, A.N. Yaponskaja priroda v publicisticheskom diskurse konca XIX — nachala XX w. // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 87–111.
9. Monczyn, K. Edukacja języków obcych w Japonii // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 113–153.
10. Ponomarczuk, S.N., Chaykovsky, R.R. Yaponsky yazyk: unikalnost' i otkrytost' (k probleme kitayskogo vliyaniya) // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 15–26.
11. Siewierski, J. Wspólnota w japońskim systemie przemysłowym // *Opuscula Iaponica et Slavica*. — Warszawa, 2015. — Vol. II. — P. 165–202.